

ПОД БЕЛОЙ И ДРУГИМИ МАСКАМИ

Встречи для вас

Наш собеседник — реаниматолог, кандидат медицинских наук, доцент кафедры гипербарической оксигенации Центрального института усовершенствования врачей, один из основателей самого первого телевизионного КВН, один из первых ведущих тех знаменитых передач, член «родительского комитета» нынешнего, возрожденного Клуба веселых и находчивых **Альберт АКСЕЛЬРОД**.

— Итак, вы все-таки остались верны медицине, хотя вся логика жизненных обстоятельств должна была убедить вас в том, что как раз медицина — кратчайший путь в искусство, литературу, режиссуру, журналистику. Не обязательно оглядываться на великие примеры прошлого — Чехова или Булгакова. Вот два ваших товарища по Первому медицинскому институту — Григорий Горин и Аркадий Арканов — совершили этот переход и заняли весьма удачные места в сегодняшней литературе. Но вы устояли, умудряясь последние тридцать лет совмещать медицинскую практику с художественным творчеством. Видимо, действительно два этих рода деятельности очень близки?

— Несомненно. Знаете, медицина — область тяжелая. И выжить здесь довольно трудно, и не только вам, пациентам, но и нам самим. Юмор здесь — спасение. А что лежит в основе этого жанра? Да прежде всего способность к мгновенной реакции на все нелепое, несоответственное, алогичное. Хороший врач непременно обладает обостренной наблюдательностью, и медицина, конечно, дает ему необозримый полигон для совершенствования юмора. Вы попадаете в страну «диктатуры санитарии», все, что не в белых халатах, совершенно бесправны, и сделать с ними можно, в конце концов, все, что угодно. Я, скажем, когда еду на срочную консультацию из дома, то есть не на «скорой» и без экипировки, то, как ни то-роплюсь, а все-таки непременно где-нибудь за углом натяну на себя белый халат, а то еще и шапочку, да еще фонендоскоп повешу на шею — иначе не решусь войти в больницу. Ну и если в этой ситуации искренне хочешь помочь больному, то опять же не обойтись в общении с ним без мягкого, сострадательного юмора. Сострадательный юмор — сложное искусство, таланты и бездарности видны мгновенно. Только кажется, что здесь все легко и просто. Я как-то наблюдал такую сцену: вошел в отдел прославленный, действительно очень хороший хирург, тянувшийся одновременно и к лаврам остролова. Подошел он к старушке, лежавшей на каталке в коридоре: «Ну что, — говорит, — бабка, прихватило тебя? Пузо-то болит, небось?» «Болит, милый», — отвечает старушка. «Ничего, бабка, чикнем тебя где надо, а там и домой — отдыхай себе на печке!». «Нельзя мне на печку, касатик», — отвечает, — мне на работу надо». «И-и, куда ж тебе, старая, еще работать?!» «Дак я в институте физики отделом заведу, профессорствую, поменьше ку...». Вот и считай себя потом наблюдательным человеком и юмористом...

— Одним словом, юмористами рождаются. И в какой-то момент ощущают свое призвание. И начинают совершенствоваться. Как это произошло с вами?

— Произошло в замечательное время. В конце пятидесятых, когда началось все то смелое, талантливое, острое в искусстве, о чем мы теперь вспоминаем с гостской или пытаемся возродить. А конкретные обстоятельства были такими: приближался Международный фестиваль молодежи и студентов, который решено было проводить в Москве. И тут как-то само собой выяснилось, что молодежь наша веселится не приучена и не очень знает, как это делается. Выяснилось, что то ли нет у нас в стране настоящей, уходящей самодельности, то ли запрятана она очень глубоко. И тогда провели Всеобщий

фестиваль молодых артистов. Впервые и, кажется, в последний раз, на нем выступали на равных профессионалы и любители. (Кстати, наш эстрадно-театральный коллектив Первого медицинского разделил тогда серебряные медали с оркестром Эстонского радио). Впервые за очень долгое время по Москве шла огромная толпа веселых людей, ее провожали к Лужникам десятки тысяч зрителей. Выплеск эмоций был необычайным. Но вот фестиваль закончился, а огромная его энергия осталась и требовала выхода.

Тогда и возник в МГУ эстрадный театр «Наш дом». Руководили им будущий режиссер, а пока журналист Марк Розовский, будущий крупнейший специалист по пантомиме, а пока инженер Илья Рутберг, и я. И готовили мы будущих известных артистов, литераторов, драматургов, а пока студентов самых разных факультетов — Хазанова, Филиппенко, Хайта, Славкина... Одновременно на телевидении возникла передача «ВВВ» — «Вечер веселых вопросов». Придумали мы ее с журналистом Сергеем Муратовым и инженером Михаилом Яковлевым. Это была прямая передача с веселыми призами и забавными заданиями, в ней участвовали люди из зала и телезрители. Телезрителям, скажем, давалось такое задание: привезти немедленно на студию первый том Джека Лондона, черепашку, фокус и остроумно рассказать, как все это удалось быстро собрать воедино. Успех «ВВВ» был ошеломляющим. А погубил нас как раз конкурс телезрителей. Во время сентябрьской передачи ведущий, им был в тот раз композитор Никита Богословский — мы с ним вели по очереди, — должен был пригласить в студию тех, кто сможет немедленно приехать в зимней одежде и держа в руках «Комсомолку» за какое-то очень давнее число. (Естественно, конкурсы придумывались так, чтобы только единицы могли выполнить условия). Короче, все идет замечательно, Богословский предлагает задание телезрителям, но по какому-то нелепому и дикому недоразумению упускает из виду «Комсомолку», а просто велит всем явиться в зимней одежде в студию. Что тут началось! Огромная толпа, алчущая славы, в валенках, шубах, ушанках сносит вахту, врывается в зал, переполняет его, пенится, кричит... Передачу, естественно, закрыли, и не было в Москве ни одной газеты, которая не ударила бы по нам, если и не стихотворным, то хотя бы прозаическим фельетоном.

— И все-таки содружество, творческий коллектив уже сложились и не могли бездействовать...

— Вы правы. Спустя четыре года после скандала нам с Муратовым и Яковлевым предложили возобновить передачу. Мы собрались в коммуналке у Яковлева, кстати, эта коммуналка описана в одной из песен Высоцкого. Володя со своей мамой жил в соседней комнате, и придумали КВН. Название расшумовали позднее, называлось мы передачу по имени тогдашнего маленького телевизора.

Первые КВНы были особенными, была своеобразная модель микромира, где царил атмосфера братства, дружбы, клубного товарищества (сменившаяся потом резкой и непримиримой конфронтацией команд), царил шутка, шарж, балагурство (сменившиеся потом не всегда добродетельной иронией), победившие и проигравшие собирались после игры вместе.

часто у меня дома, и до утра обсуждали свои удачи и просчеты... Знаете, порой такая уникальная атмосфера складывается в реанимационном отделении во время экстренной консультации. Мы — чужие, практически незнакомые люди в белых масках, видны только глаза. Но вот катастрофическая ситуация разрешается, мы снимаем маски, и незнакомые лица — уже родные, уже лица товарищей...

Но у телевидения свои законы. С ростом популярности передачи начался и губящий ее размах — соревновались уже не студенческие команды, а города и республики, тратившие на милую затею большие деньги, призывавшие отстаивать честь города или региона профессиональных композиторов, поэтов, режиссеров. Телевидение стало загодя «продавать» командам условия конкурсов. Исчезал прямой эфир, ему на смену шла видеопленка, которую научились резать и монтировать. Впрочем, мы, осисватели, к этому времени давно уже ушли с телевидения, убедившись, что никакого авторского права там не существует и что наши идеи, скажем, организовать ТВН — театр веселых и находчивых, или чисто импровизационный дискуссионный клуб остроловов — никому не нужны.

— Ну и наконец в 1971 году КВН вовсе перестал существовать.

— Нет, он не совсем умер. Во-первых, из него выросло несколько передач: «А ну-ка, девушки!», «А ну-ка, парни», потом замечательная «Что? Где? Когда?». Во-вторых, в КВН все равно играли в школах, институтах, на предприятиях, в военных частях даже. И вот КВН возрожден по-настоящему, и мы, постаревшие его основатели, приглашены в «родительский комитет»...

— Нравится вам нынешняя передача?

— Трудно ответить однозначно. Конечно, колоссально возрос уровень реприз, их острота и густота порой сравнима с творчеством Жванецкого. Но... из КВНа исчезла личность: есть группа авторов, есть актерская группа, есть режиссеры-постановщики. Сколько человек в команде? Тридцать, а то и сорок...

— ...А когда участники вынуждены отвечать на внезапные, незапланированные вопросы, ответы их столь бледны, что возникает ощущение, будто и не эти люди только что блистательно острили.

— И жюри, составленное из очень талантливых в своем деле людей, не успевает за один раз разобраться в передаче, ее особенностях, судит ее зачастую по чужим законам.

— Но все-таки...

— Но все-таки я очень рад, что о КВНе, о котором написано столько статей, несколько книг — в двух я был одним из соавторов, — снят сейчас Натальей Касперович документальный фильм, КВН, из которого вышло столько замечательных деятелей искусства — возродился. А вдруг, кто знает, вслед за ним возродится и эстрадный театр, воскреснет профессия конферансье, который умеет общаться с залом, появляясь на эстраде сценки, миниатюры.

— Ну а вы лично? Вдруг все-таки уйдете в профессиональное искусство?

— Вы знаете, с годами больше всего начинаешь ценить состояние внутренней уравновешенности, какого-то внутреннего покоя. Нужно быть очень, очень талантливым художником, чтобы испытывать эти состояния в искусстве. В медицине все несколько проще. Ты лечишь людей, и если старешься делать это хорошо, то знаешь, ты безусловно нужен людям. Пусть уж я буду жить с этой иллюзией.

Вела беседу
Е. КУЛЬСКАЯ.
Фото Ф. Ключика.